

Владимир Духопельников

Иван Грозный

Колоритная фигура Ивана Грозного издавна привлекала к себе внимание не только историков, но и деятелей литературы и искусства.

Далеко неоднозначной оказалась память, которую сохранил народ о первом русском царе и членах его семьи.

Когда воссияло на небе красное солнышко,
Когда становилась звезда подвосточная,
Тогда воцарился Грозный царь Иван Васильевич, —

пели по крестьянским избам народные сказители. Иван IV в русских исторических песнях — это победитель Казани, грозный повелитель, надежда русской земли. И в то же время он крайне жесток, мнителен, неуравновешен.

Судьба грозного царя — яркий пример того, как умный, образованный, талантливый человек (хотя историк Н. И. Костомаров высказывает иную точку зрения) поставил свои силы на службу злу. В Иване IV сочетались задатки крупного государственного деятеля — и деспота, тонкого, красноречивого литератора — и палача. С детства окруженный лестью и казнокрадством,

преклонением и дворцовыми интригами, он был все же больше тираном, чем государственным деятелем. Грозный стал первым из русских правителей, отождествившим себя с государством, а потому, с одной стороны, он считал, что противоречить царю — это чуть ли не государственная измена, а с другой — оправдывал собственную вседозволенность. Так что в политике Иван IV проделал сложную эволюцию, переходя от «Избранной рады» к опричному террору, а от него — к абсолютно бесполезным казням и убийствам.

«Несмотря на все умозрительные изъяснения, — писал в своей «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин, — характер Иоанна, героя добродетели в юности, неистового кровопийцы в летах, мужества в старости, есть для ума загадка». И такие суждения об Иване Васильевиче Грозном мы находим в исторических и публицистических сочинениях, литературных произведениях уже более четырех столетий. Либералы и демократы России и Украины, «привыкшие посыпать голову пеплом», поддерживают точку зрения Н. М. Карамзина, называя Грозного тираном. Сторонники сильной государственной власти (а таких в государствах не так чтобы малое количество) считают действия Ивана Грозного правильными. Подтверждением этому может служить и требование ряда

церковнослужителей и мирян России причислить Ивана Грозного к лику святых.

Так чем же объяснить такие расхождения в оценках? Конечно же, отсутствием достаточного количества документов. В свое время известный знаток времени Ивана Грозного историк С. Ф. Платонов писал: «Главная трудность изучения эпохи Грозного и его личного характера и значения не в том, что давняя эпоха и ее центральное лицо сложны, а в том, что для этого изучения очень мало материала. Бури Смутного времени (начало XVII ст.) и знаменитый пожар Москвы 1626 года истребили московские архивы и вообще бумажную старину настолько, что события XVI века приходится изучать по случайным остаткам и обрывкам материала». Дошедшие до нас материалы отрывочны и часто противоречивы. Царь и его государственные летописцы излагали московские дела по-своему, но по-своему же их изображали и политические противники Грозного, и иностранцы.

В зависимости от того, чьи свидетельства историк или литератор принимал за истину, создавался субъективно-идеалистический образ царя — тирана или «образцового» правителя государства.

В этой связи необходимо указать на тот значительный ущерб, который нанесли изучению эпохи Ивана Грозного и ее отражению в литературе

и искусстве субъективно-идеалистические оценки личности Ивана Грозного, получившие хождение в 40-е годы XX века.

Тогда вокруг имени Ивана Грозного возник самый настоящий ажиотаж. В романах, кинофильмах, театральных спектаклях, а также в учебниках и научных трудах по истории его изображали как «великого государя». Именно так — «Великий государь» — называлась пьеса В. А. Соловьева, чуть ли не ежедневно шедшая на сцене академического театра им. А. С. Пушкина в Ленинграде.

Крупнейший знаток эпохи Грозного, историк академик С. Б. Веселовский с тревогой и грустной иронией в «Исследованиях по истории опричнины» (М., 1963) писал: «Реабилитация личности и государственной деятельности Ивана IV есть новость, последнее слово и большое достижение советской исторической науки. Но верно ли это? Можно ли поверить, что историки самых разнообразных направлений, в том числе и марксистского, 200 лет только и делали, что заблуждались и искажали прошлое своей родины, и что «сравнительно недавно» с этим историографическим кошмаром покончено и произошло просветление умов».

Дело в том, что Иван Грозный оказался в то время любимым историческим деятелем Иосифа

Сталина — от него и исходил соответствующий социальный заказ. Свою точку зрения на российского царя Сталин высказал в беседе с режиссером фильма «Иван Грозный» С. Эйзенштейном и исполнителем роли Грозного Н. Черкасовым. Сталин утверждал, что Грозный — великий и прогрессивный государственный деятель. В своей книге «Записки советского актера» (М., 1953) Н. Черкасов вспоминает: «Говоря о государственной деятельности Грозного, товарищ Сталин заметил, что Иван IV был великим и мудрым правителем, который ограждал страну от проникновения иностранного влияния и стремился объединить Россию... [Он] впервые в России ввел монополию внешней торговли... [Сталин] отметил также прогрессивную роль опричнины, сказав, что руководитель опричнины Малюта Скуратов был крупным русским военачальником, героически павшим в борьбе с Ливонией». «Коснувшись ошибок Грозного, — продолжает актер, — [Сталин] отметил, что одна из его ошибок состояла в том, что он не сумел ликвидировать пять оставшихся крупных феодальных семейств, не довел до конца борьбу с феодалами, — если бы он это сделал, то на Руси не было бы Смутного времени... И затем Иосиф Виссарионович с юмором добавил, что «тут Ивану помешал Бог»; Грозный ликвидирует одно семейство феодалов, один боярский род, а потом

целый год кается и замаливает «грех», тогда как ему нужно было бы действовать еще решительнее».

Зададимся же и мы вопросом: «Так каким он был — Иван Грозный? Безумным злодеем, соединявшим в себе «самовластие с робостью и низостью духа», или же выдающейся личностью»? Похоже, что однозначно на этот вопрос ответить нельзя.

Немного о состоянии России к середине XVI столетия

Объединительные процессы в России привели к созданию крупнейшей в Европе страны, широко раскинувшейся на бескрайних просторах Восточно-Европейской равнины — от берегов Белого и Баренцева морей на севере до Чернигова и Рязани на юге, от Финского залива и Смоленска на западе до Северного Урала и нижегородских земель на востоке.

В это время, несмотря на определенные трудности (природно-климатические условия, маленькую плотность населения на 1 км², незначительный процент городского населения и т. д.), экономика России постепенно набирала силы, хотя и сохраняла аграрный характер.

Основным содержанием русской истории XVI века явились: процесс укрепления Российского

государства, рост национального самосознания, связанный с успехами в развитии единого Российского государства, и подъем буквально во всех областях экономики и культуры. С бурными переменами в жизни русского общества был связан и расцвет общественной мысли. Публицисты XVI века смело берутся за самые масштабные проблемы своего времени. Они рассуждают о природе царской власти и положении сословий в новом государстве, о необходимости введения законов и о месте России во всемирной истории; они требуют реформ, обличают пороки и трактуют вопросы веры.

Однако во многовековой истории феодальной России трудно найти время более противоречивое, чем XVI век. Никогда еще дотоле борьба нового и старого не была столь яростной и всесторонней. Утверждение начал сословно-представительной монархии и постепенная ликвидация политической обособленности земель были остановлены опричным деспотизмом Ивана IV и расчленением страны на государев «удел» и земщину. На смену небывалым взлетам русской культуры и свободомыслия конца XV — середины XVI столетия пришли клерикальная реакция и средневековая схоластика.

События первых двух десятилетий показывают, что острых проявлений борьбы за

власть в годы правления Василия III не было. Все как бы шло по уже накатанной дороге. И тем не менее, два обстоятельства свидетельствовали о том, что грядут потрясения: отсутствие у великого князя Московского наследника и ухудшение международного положения страны.

Более заметные изменения происходили в государственно-политической системе. Уже дед Ивана IV Грозного — Иван III заявлял: «Чи не волен яз, князь великий, в своих детях и в своем княжении, кому хочу, тому дам княжение». Духовная грамота Ивана III ясно отразила стремление великого князя высоко поднять положение наследника над его братьями. Всего Иван III оставил пять сыновей. Старший сын Василий, объявленный наследником, из территории государства получил 66 городов. Среди них крупнейшие — Москва, Новгород, Тверь. Остальные четыре брата получили лишь 30 городов. Значительная часть налогов поступала великому князю, и только 28 % — его братьям. К тому же только Василий получил право чеканить монету.

Власть Василия III, отца будущего Ивана Грозного, еще более усилилась в годы его правления. Отдельные свидетели того времени говорят, что Иван III еще выслушивал от бояр «многие поносные и укоризные словеса». Василий

III боярских противоречий уже не допускал. Однажды представитель старого московского боярства Берсень Беклемишев попробовал спорить с великим князем по вопросу о Смоленске. На это великий князь ему заявил: «Поди, смерд, вон, ты мне не надобен». Боярин жаловался своим друзьям, что ныне государь не советуется со своими боярами, а решает дела «сам третьей у постели», т. е. совещается с несколькими ближайшими людьми в своих внутренних комнатах. Не зная, как объяснить причины перемен в обращении великого князя с боярами, Берсень Беклемишев отнес это на счет приезда гречанки Софии Палеолог в Москву. (На Софье, племяннице византийского императора, был женат великий князь Иван III Васильевич, дед Ивана Грозного). Боярин говорил: «Как пришла сюда грекове ино и земля наша замешалася, а дотоле земля наша русская жила в тишине и в мире». Аналогичные перемены во власти государя отметил и посол австрийского императора Сигизмунд Герберштейн, дважды побывавший в Москве. По его словам, Василий III превосходил своей властью всех монархов в мире. «Всех одинаково гнетет он жестоким рабством, — писал Герберштейн, — так что если он прикажет быть кому при его дворе или идти на войну, или править какое-либо посольство, тот вынужден исполнять все это на свой счет». (Говоря по правде,

иностранец умалчивает, что в тот период в России бояре владели огромными вотчинами, населенными крестьянами. Так что именно за владение этими вотчинами они и отбывали государеву службу.)

Высокое положение государя в стране и по отношению к иностранным государствам обосновывалось и закреплялось в официальных документах, летописях, литературных произведениях. После падения Византии московские писатели стали доказывать, что Москва является исторической преемницей Византии. А падение Византии объяснялось подписанием Флорентийской унии с католической церковью в 1439 году и завоеванием впоследствии Константинополя турками-османами. В понимании же московских книжников эти события привели к потере Константинополем первенства в православном мире. Между тем, раньше в русских землях смотрели на Византию как на мировую державу, а на Константинополь — как на центр православия, или Второй Рим, унаследовавший значение Древнего «ветхого Рима». С падением Византии церковное и политическое значение ее столицы постепенно берет на себя Москва, где не поддержали Флорентийскую унию. Здесь уже в 1448 году избирается, без традиционного согласия византийского патриарха, самостоятельный митрополит из русских. В начале следующего

столетия монах одного из псковских монастырей Филофей в своих посланиях Василию III обосновал превращение Москвы в центр православия. По его словам, старый Рим пал вследствие уклонения в ересь. Новый Рим (Константинополь) погиб вследствие измены православию на церковном соборе во Флоренции. Поэтому храм Софии и стал достоянием «неверных», турок. «Два Рима пали, — подчеркивает Филофей, — а третий [Москва] стоит, четвертому же не бывать». Монах не забыл похвалить и Василия III. «Скажем несколько слов, — пишет он, — о нынешнем преславном царствовании пресветлейшего и высокопрестольнейшего государя нашего, который во всей поднебесной единый есть христианам царь и сохранитель святых божиих престолов, святой апостольской церкви, возникшей вместо римской и константинопольской и существующей в богоспасаемом граде Москве, церкви святого и славного Успения пречистой Богородицы, что одна во вселенной краше солнца светится».

Несколько раньше посланий Филофея появились литературная повесть «Сказание о князьях владимирских» и «Послание о Мономаховом венце» Спиридона Саввы, купившего в Константинополе место митрополита Киевского. Эти сочинения легендарны и во многом однообразны. В них передается легенда о том, что

император Константин Мономах передал непосредственно князю киевскому Владимиру Мономаху царский венец и животворящий крест. Эта легенда получила распространение несмотря на то, что из переводной литературы было известно, что Константин умер в 1055 году, тогда как Владимир княжил в Киеве в XII столетии. Версия о передаче регалий сочеталась с легендой о происхождении московских государей от императоров первого Рима и прежде всего от Августа, которого провозгласили «властителем» вселенной. На Августа возложили знаки власти, одели в одежду египетского царя, а голову увенчали индийской короной. Август же поставил правителей в разных местах земли, в том числе своего родственника Пруса — на реке Висле. Ну а новгородцы пригласили княжить Рюрика, будто бы потомка Пруса. Таким образом генеалогия русских князей восходила не только к Рюрику, но и к легендарному Прусу и далее до реального римского императора Августа.

Величественной и пышной родословной московских государей противопоставлялась родословная литовских государей, происходивших от Гедимина (который, впрочем, якобы был конюхом). Потомки цесаря Августа, с одной стороны, и потомки конюха — с другой. Кто же из них имел подлинные права на владение русскими

землями и на их объединение? В отличие от теории «Москва — Третий Рим», идеи «Сказания о князьях владимирских» уже в 30-е годы XVI столетия проникли на страницы летописей, вошли во многие официальные (в том числе дипломатические) документы и использовались для обоснования российского самодержавия. Таким образом, ко времени вступления на престол Ивана IV в теории русской феодальной монархии утверждались два важнейших положения: божественное происхождение великокняжеской (царской) власти и историческая преемственность этой власти московской династией.

Детство Ивана

О детских годах Ивана источники рассказывают скупо. Впрочем, это понятно: летописцев и публицистов интересовали зрелые государственные деятели. Некоторые отрывочные сведения дополняются воспоминаниями самого Ивана, изложенными в письме к бежавшему за границу князю Андрею Курбскому.

Эти свидетельства говорят о том, что Иван Грозный родился 25 августа 1530 года. Накануне рождения ребенка — вечером 24 августа — быстро стемнело. Небо над Москвой заволочло грозowymi тучами. Улицы рано опустели. К полуночи дома и

сады погрузились в непроглядную тьму. Наступившая тишина нарушалась лишь легким шелестом листьев. Вдруг, сразу, ветер, словно сметая тишину, завыл, засвистел, загредел ставнями, захлопал калитками, заскрипел вековыми стволами. Сверкнула молния, на миг расщепив тишину, и раздался удар грома небывалой силы. Началась гроза. Огненные сабли во всех направлениях рассекали тьму. Одни исчезали в вышине, другие вонзались в землю, в дома. И вот в долгих раскатах громового удара родился новый звук — назойливый и монотонный. Били в набат. Москва загорелась в нескольких местах. Люди тушили пожары, а ветер раздувал пламя. Неожиданно, сами по себе, зазвонили колокола Спасского собора. С колокольни одной из церквей сорвался и упал на землю большой колокол. Все это были страшные приметы. Ожидали, что в эту ночь случится большая беда. Жители в страхе дожили до рассвета... Природа как бы предсказывала рождение царя-тирана. Казанская ханша, узнав о рождении ребенка, объявила московским гонцам: «Родился у вас царь, а у него двое зубы: одними ему съесть нас [татар], а другими вас». Однако тогда же появился и чудесный рассказ о том, будто какой-то юродивый предсказал ожидавшей ребенка

великой княгине, что у нее родится «Тит — широкий ум»¹.

Рождение мальчика принесло огромную радость великому князю. Василию III в это время было уже за пятьдесят, а его жене, Елене Васильевне Глинской, — на 25 лет меньше. И здесь мы сделаем небольшое отступление.

Василий III, родившийся в 1479 году, женат был дважды. В 1505 году он женился на Соломонии Сабуровой, представительнице старинного московского дворянского, но незнатного рода, которую выбрал из 1500 претенденток. По свидетельству источников, Василий очень любил свою жену. Шли годы, но почти двадцать лет от этого брака не было детей, не было наследника. Соломония и Василий долгие годы прибегали к помощи знахарей и колдунов, но все оказывалось безуспешным. Отсутствие наследника грозило переходом престола в руки одному из братьев Василия — Юрию или Андрею. Это привело бы к серьезным перестановкам в правящей элите государства и не могло не беспокоить московское боярство. Своеобразный выход был найден.

---

¹ Память апостола Тита чествуется 25 августа. По отзыву Иоанна Златоуста, Тит был наиболее искусным из учеников апостола Павла.

Василий III решил развестись со своей женой. Но по православным канонам это возможно было сделать только при наличии серьезных причин, а таковых не было. Выходом из создавшегося положения могло стать пострижение Соломонии, однако для этого необходимо было получить согласие княгини. Но она его не давала. Тогда один из подручных Василия III, «не брезгуя такими средствами, как избиение бичом», добился от Соломонии согласия на пострижение. В ноябре 1525 года ее постригли в монахини под именем София и отправили в Суздальский Покровский монастырь. (По некоторым неофициальным свидетельствам, в монастыре у нее родился ребенок. Государь направил туда комиссию, которая нашла захоронение, однако в гробу оказалась кукла. Позже гуляла сказка о том, что Иван Грозный ввел опричнину с целью разыскать «своего старшего брата», который имел большие права на престол, чем он сам.).

Получив развод, Василий III в начале следующего года женился второй раз. Его избранницей стала двадцатилетняя княжна Елена Васильевна Глинская (она принадлежала к княжескому роду, который возводят к одному из сыновей темника Золотой Орды Мамаю. Род этот владел в Поднепровье г. Глинском, давшем ему название. Глинские служили литовским князьям, в

начале XVI века перешли на службу к Московскому князю. Дядя Елены Михаил, знаменитый на всю Европу воин, служил Германской империи, Ордену, Литве и России и за попытку вернуться в Литву в это время находился в заточении). Интересно отметить, что государь после женитьбы, по словам Н. М. Карамзина, «вопреки добрым московским нравам», в угоду молодой жене «обрил себе бороду и пекся о своей приятной наружности».

Второй брак также не сразу имел счастливый исход. Первенец государя родился только на пятом году его супружества, что дало повод злым языкам предполагать, что он, как Святополк Окаянный (сын то ли Ярослава, то ли Владимира Великого), по словам летописца, был «от двою отцю». Последующая близость великой княгини к князю Ивану Федоровичу Оболенскому-Телепневу прямо указывала и на того, о ком говорила сплетня. (Этой сплетни придерживаются и некоторые современные российские историки. Свои выводы они обосновывают неуравновешенным характером Ивана и слабоумием его брата Юрия. Признаки таких заболеваний имелись и у фаворита Елены Глинской.)

Но пора вернуться к младенцу. Государь Василий, в отличие от сплетников, сомнений не имел. Он с большим церемониалом крестил сына Ивана в Троице-Сергиевом монастыре. Тогда же, по

существовавшей еще в период Киевской Руси традиции, он приказал в честь такого важнейшего семейного события построить церковь. И на правом высоком берегу реки Москва, в подмосковном селе Коломенское, русские мастера возвели великолепную каменную шатровую церковь во имя Вознесения Господня (1530–1532 гг.). При постройке здания впервые на Руси в камне были воплощены формы, характерные для русского деревянного зодчества. Новизной и красотой своих форм, легкостью и изяществом силуэта, органической связью с окружающей природой храм Вознесения по праву считается выдающимся памятником русского зодчества.

Спустя год после рождения сына в день его ангела, 29 августа 1531 года, государь в присутствии годовалого Ивана торжественно построил, по вековому русскому обычаю, в один день «обыденку» — церковь на Ваганькове в Москве. Это была еще одна благодарность за рождение наследника. Летопись отмечает, что в этот день великий князь «совершил обет свой и, начав дело своими царскими руками раньше всех делателей, и по нем начали делать, и сделали ее [церковь] единым днем: того же дня и освещена была».

Отец заботился о сыне и в дальнейшем. По крайней мере в письмах к Елене он интересовался

его здоровьем. В одном из них Василий спрашивает, «что такое появилось у Ивана на шее?». В другом — «что Иван прокричал?». К сожалению, отец заботился о сыне недолго. В конце сентября Василий заболел. «Болячка» на ноге, причинявшая тяжкие страдания, мучила его два месяца и вызвала общее заражение крови. Предчувствуя наступление смерти, Василий передал, как сообщают летописи, «великое княжение сыну своему большому князю Ивану и нарече его сам при своем животе великим князем и приказа его беречи до пятнадцати лет своим боярам немногим». Историк Н. М. Карамзин добавляет: «Отпустив митрополита и братьев, [князь] так говорил боярам: «Ведаете, что государство наше идет от великого князя киевского, Святого Владимира: что мы природные вам государи, а вы наши извечные бояре. Служите сыну моему, как мне служили: блюдите крепко, да царствует над землею: да будет в ней правда! Не оставьте моих племянников, князей Вельских: не оставьте Михаила Глинского: он мне ближний по великой княгине. Стойте все за едино как братья, ревностные ко благу отечества! А вы, любезные племянники, усердствуйте вашему юному государю в правлении и в войнах: а ты, князь Михаил [Глинский], за моего сына Ивана и за жену мою Елену должен охотно пролить кровь свою и дать

тело свое на раздробление»». Василий III, призывая бояр верой и правдой служить своему сыну, одновременно создал при малолетнем наследнике опекунский совет. (Интересно заметить, что Василий не включил Елену в состав опекунского совета. Она, как издавна повелось на Руси, получала вдовый удел и отстранялась от власти.) Правда, Синодальная летопись говорит об обратном: «Приказывает [Василий] Елене скипетр Великой Руси до возмужания сына: зная ее как боголюбивую и милостивую, тихую и справедливую, мудрую и мужественную, и всякого царского разума исполненного сердца ее, всем любимой Великой Елене русской...»

Историк Р. Г. Скрынников считает, что в состав опекунского совета вошли семь приближенных к Василию III бояр и дворян. Среди них он называет младшего брата государя Андрея, боярина М. Юрьева, князей В. Шуйского и М. Воронцова. Кроме того, он говорит о Михаиле Глинском, Иване Шуйском, Михаиле Тучкове. Именно эти лица должны были оградить трон от притязаний братьев государя Юрия и Андрея, которых поддерживали и отдельные члены Боярской думы. Беспokoясь о судьбе своего сына Ивана, Василий III всячески убеждал своих братьев «крепко стоять на том, на чем они договорились и крест целовали, именно — чтобы сын его учинился

на государстве государем, чтобы была в земле правда и чтобы в их среде розни некоторые не было». Братья это обещали. Прошло несколько дней, и 4 декабря 1533 года московский государь Василий III Иванович, тревожась за свою семью и судьбу государства, отошел в мир иной. В высших кругах власти наступило некоторое смятение, что описал Н. М. Карамзин: «Никогда Россия не имела столь малолетнего властителя, никогда — если исключим древнюю, почти баснословную Ольгу — не видала своего кормила государственного в руках юной жены (женщины) и чужеземки, литовского, ненавистного рода. На троне не бывает предателей; опасались Елениной неопытности, естественных слабостей, пристрастия к Глинским, имя которых напоминало измену. Хотя лесть придворная славила добродетели Великой княгини, ее боголюбие, милость, проницательность ума и явное сходство с бессмертною супругою Игоря, но благоразумные уже и тогда умели отличать язык Двора и лести от языка истины; знали, что добродетель царская, трудная и для мужа (мужчины) с крепкими мышцами, еще гораздо труднее для юной, нежной, чувствительной жены, более подверженной действию слепых, пылких страстей».

Действительно, мать нельзя было отстранить от малолетнего сына. Следовало искать компромисс с регентским советом и Боярской думой, где

находились как сторонники, так и противники Елены Глинской. Такое положение побудило Елену действовать решительно. Уже на следующий день после кончины великого князя в Успенском соборе Московского Кремля митрополит Даниил и весь причет церковный, князья, бояре и все православное христианство возвели малолетнего Ивана на престол, на великое княжение. Митрополит благословил Ивана крестом, сказав: «Бог благословляет тебя, государь, князь великий Иван Васильевич, владимирский, московский, новгородский, псковский, тверской, югорский, пермский, болгарский, смоленский и иных земель многих, царь и государь всея Руси! Добр здоров будь на великом княжении, на столе отца своего». Новому государю пропели многолетие, и пошли к нему князья и бояре, понесли дары многие; после этого отправили по всем городам детей боярских (молодых служилых людей) приводить к присяге жителей городов и селений. Елена при малолетнем сыне, как в свое время и княгиня Ольга, стала, несмотря на наличие регентского совета, правительницей государства. Все документы, относящиеся к внутренней жизни государства, подписывались именами сына и матери, например: «Повелением благоверного и христоролюбивого Великого князя, Государя Ивана Васильевича всея Руси и его матери, благочестивой царицы, Великой